

Лю Че произнес: Вансунь прав. Если дело обстоит именно так, то это поистине ужасно. Когда все вокруг держится от тебя на почтительном расстоянии, ты совсем не чувствуешь уважения. Напротив, ощущаешь себя прокаженным, от которого каждый спешит уклониться.

Он поднял взгляд и всмотрелся в Вэй Цина: Но когда я рядом с тобой, мне становится легко и спокойно. Я... — он замолчал, словно оробел или подбирал слова получше, — я могу считать тебя своим доверенным лицом, другом и возлюбленным?

Вэй Цин оцепенел. Честно говоря, он и помыслить не мог, что услышит такое из уст Лю Че.

Десять лет назад я по своей глупости не смог дать того, чего ты заслуживал, Вансунь, но теперь надеюсь дать это тебе. Скажи, согласен ли ты? — В этот момент взгляд Лю Че был серьезным и искренним.

Вэй Цин вгляделся в Лю Че, мягко улыбнулся и опустил голову: Вэй Цин не достоин такой чести. Сказать, что он не был тронут, значило бы солгать. Это было то, о чем он даже боялся мечтать. Быть может, это начало чего-то нового, быть может, отныне все будет иначе; быть может... Как бы то ни было, слова Лю Че искренне порадовали его.

Почувствовав, что Вэй Цин смягчился и больше не держит его на расстоянии вытянутой руки, Лю Че воспрянул духом, тут же подался вперед, так что едва не прижался к нему всем телом.

Жуйюй — не моих рук дело. Я не отдавал таких приказов. Что касается Цюйбина, мне очень жаль. Действительно, это моя вина. Я сделал то, что сделал, и отвечу за это. Я не стану прятаться, как черепаха, боясь признать содеянное. Поэтому, если бы это был я, я бы ни за что не стал отпираться.

Лицо Вэй Цина помрачнело. На самом деле, именно история с Цюйбином беспокоила его больше всего.

Цюйбин был еще так молод, и Вэй Цин не хотел, чтобы хоть тень позора легла на него. Единственным утешением было то, что Лю Че не стал притворяться глупцом. Учитывая характер императора, произнести такие слова — уже было великим достижением. Вэй Цин понимал: это предел его искренности и максимум того, как он мог выразить свои чувства.

Но я не хочу нести ответственность за то, чего не совершал. И еще меньше хочу... — Лю Че замолчал и глубоко вздохнул.

На самом деле, Лю Че прекрасно понимал: Вэй Цин никогда не станет высказывать подозрений в его адрес, ни публично, ни наедине. Он боялся не ответа Вэй Цина в данный момент, а того, что скрывалось в глубине его души.

Он не хотел, чтобы Вэй Цин неправильно его понял, и тем более не хотел, чтобы тот, будучи

внутренне уверенным в его виновности, спокойно продолжал лгать.

Поэтому, возможно, молчание Вэй Цина и отказ от дальнейших разговоров на эту тему были самым мудрым решением. Сказав сегодня все это, он лишь обозначил свою позицию, а уж что об этом думать — пусть решает сам Вэй Цин.

Лю Че продолжил: Еще меньше я хочу, чтобы ты, мой верный подданный, опустил руки из-за недопонимания. Если ты действительно любишь мою сестру, то мне нечего сказать, но те любовные стихи явно не твоего сочинения. К тому же, по результатам моего расследования, человек, передавший письмо великой принцессе, был подкуплен Ли Яньнянем. Я хочу знать, было ли искренним твоим желанием жениться на принцессе Пинъян, которая старше тебя на шестнадцать лет?

Вэй Цин помолчал некоторое время, а затем ответил: Великая принцесса — моя благодетельница. Без нее не было бы нынешнего Вэй Цина, — он поднял взгляд на Лю Че, — и уж тем более я не встретил бы вас, Ваше Величество. Я не хочу, чтобы она оказалась в неловком положении. В тот раз вы фактически устроили публичную очную ставку, и если бы я отказался, великая принцесса не смогла бы сохранить лицо. Я не хотел, чтобы это случилось.

Лю Че остолбенел, не зная, смеяться или плакать: ...Ты... Ну и Вэй Цин... Впрочем, это в его духе. Ладно, пускай будет так — превратить его из шурина в зятя тоже неплохо, родственные узы станут лишь крепче.

Вэй Цин лишь улыбнулся, глядя на Лю Че. Заметив темные круги под глазами императора, он понял, как сильно тот тревожился в последнее время. Он провел множество расследований, но так и не нашел достаточных доказательств того, что Лю Че был убийцей. Сегодня он еще больше укрепился в своей уверенности: за годы совместной жизни он научился ясно видеть, что радуется, злит или печалит Лю Че.

Лю Че расслабился и с улыбкой посмотрел на Вэй Цина. Тот ответил ему легкой, едва заметной улыбкой. Какое-то время оба молчали, их взгляды встретились в тишине — глубокой, наполненной негласным пониманием.

Говорят, ты преподнес родителям красавицы Ван пятьсот золотых в дар на день рождения? — этот вопрос давно вертелся у Лю Че на языке. — Это совсем не похоже на то, что пришло бы тебе в голову. Кто тебя научил?

Вэй Цин улыбнулся и ответил: Один человек, который называл себя способным отыскать бессмертных.

Лю Че издал указ об отправке подкреплений Ли Гуанли, застрывшему на границе. Когда Ли Яньнянь, восстанавливавшийся у себя дома, достаточно окреп, Вэй Цин отправил его обратно в Санчуньхуэй. По рекомендации Вэй Цина Нин Чэн был назначен Лю Че на должность дунхайского дувэя и в тот же день отбыл к месту службы.

Для Цао Сяна все это были пустяки. Главным же было то, что в тот день, вернувшись из дворца, Вэй Цин спокойно улыбнулся ему, встретившему его с выражением недовольства на лице, и сказал: Это не он.

Цао Сян опешил: что значит не он?

Вэй Цин промолчал, продолжая тихо улыбаться. Это напомнило Цао Сяну ту ночь в горной гостинице: в лунном свете, сквозь переплетенные тени листвы, юноша казался скрытым от глаз, и его лицо, и выражение его глаз были наполовину залиты светом, а наполовину утопали в полумраке.

Хорошее «не он». Цао Сян внезапно осознал: возможно, та возможность, на которую он рассчитывал, никогда и не существовала.

Свадьба великой принцессы Вэй прошла с подобающей пышностью. Облаченный в свадебные одежды Цао Сян принимал поздравления. Вэй Цин, разумеется, присутствовал на торжестве; он сидел среди гостей и с мягкой улыбкой наблюдал за новобрачными. Казалось, он был расслаблен, но в то же время оставался строг и незыблем, словно высокая гора или бездонное озеро.

Цао Сян вдруг растерялся: как ему теперь называть его? Великий маршал? Великий полководец? Маркиз Чанпин? Господин отец? Дядюшка? Или, может, злобно бросить дядюшка-супруга? Находясь в столь неловком и запутанном положении, почему он все еще мог сохранять такое выражение лица? Говорят, что на плечах мужа лежит бремя всего мира, но сколько же еще нужно взвалить на его плечи, чтобы это стало пределом?

Когда наступила брачная ночь, невеста застенчиво ждала его.

Пламя свечи дрогнуло, и в затуманенном вином взоре Цао Сяна лицо невесты наложилось на лицо того юноши из горной гостиницы десятилетней давности. Он даже вздрогнул.

Едва успокоившись, Цао Сян невольно горько усмехнулся: говорят, племянник похож на дядю, неужели и племянница так похожа на дядю? Только вот неизвестно: когда Лю Че каждый день смотрит на императрицу Вэй, не ошибается ли он в том, кто перед ним? Кто для него истинная императрица — Вэй Цзыфу, родившая ему наследника, или Вэй Цин, защищавший его земли и расширявший границы?

В этот день Вэй Цин внезапно услышал слова Лю Че: Я уже приказал заняться погребением Дун Яня.

Вэй Цин удивленно посмотрел на него. Он полагал, что император не только забыл о нем, но и вовсе не придавал этому значения. Однажды он сам спросил Лю Че, помнит ли он Дун Яня, и тогда реакция императора была подчеркнута холодной. Кто бы мог подумать, что сегодня он сам заведет разговор об этом человеке. Но еще больше Вэй Цина поразило продолжение: И

приказал похоронить его рядом с великой принцессой Гуаньтао.

Дун Янь был фаворитом великой принцессы Гуаньтао, тетки и тещи Лю Че, а позже стал приближенным самого императора. После того как Лю Че отвернулся от него, он умер в нищете и голоде.

Вэй Цин поправил одежду и отвесил глубокий поклон. Не потому, что это было великой милостью, а лишь потому, что Лю Че все еще помнил, что такой человек существовал.

Весной четвертого года правления Юаньшоу Лю Че, собрав все силы государства, снарядил войска, решительно настроенный нанести удар по сюнну. Великий полководец Вэй Цин и генерал конницы Хо Цюйбин повели по пятьдесят тысяч кавалеристов каждый, за ними следовали сотни тысяч пехотинцев и обоз с провиантом. Ли Гуан, ведающий делами двора, стал передним генералом, великий конюший Гунсунь Хэ — левым генералом, главный судья Чжао Шици — правым генералом, а маркиз Пинъян Цао Сян — задним генералом; все они были в подчинении великого полководца Вэй Цина.

В этой битве армия Хань наголову разбила сюнну в пустыне Гоби, заставив тех бежать, так что к югу от пустыни не осталось больше варварских дворцов.

Все восхваляли непобедимую доблесть Хо Цюйбина, вспоминали его трехтысячекилометровый поход, разгром войск Левого князя-высшего вождя, семьдесят тысяч убитых врагов, пленение четырех князей и восьмидесяти трех военачальников, жертвоприношения на горе Ланцзюсю и Гуянь, и его возвращение после похода к самому Ханхаю. Но Цао Сян навсегда запомнил другое: склонившегося над картой Вэй Цина с нахмуренными бровями; карту, песочницу, линии, которые постоянно чертили, стирали и чертили заново.

После триумфального возвращения последовали награды и пиры. В самый разгар веселья Цао Сян обнаружил, что Вэй Цина нет. Выйдя наружу, он увидел его, погруженного в созерцание луны.

Великий полководец.

Цао Сян позвал его, больше не испытывая сомнений в том, как к нему обращаться.

Он молча вздохнул: легко выиграть одно сражение, но трудно одержать победу во всей кампании. Лю Че был прав, лишь Вэй Цин достоин титула Великого маршала и полководца, а Хо Цюйбин, даже если его храбрость и была отмечена лишь чином генерала конницы, оставался всего лишь генералом.

Вэй Цин поднял голову, его взгляд все еще был далек.

Почему великий полководец сидит здесь в одиночестве? — Цао Сян подошел к нему.

Вэй Цин кивнул ему, вновь перевел взгляд на ясную луну и произнес: Просто размышляю о некоторых вещах...

О? — уши Цао Сяна уловили едва слышный вздох, и, когда он прислушался, Вэй Цин улыбнулся: Что лучше посадить на полях, когда я вернусь домой на покой?

Цао Сян замер: Великому полководцу едва перевалило за тридцать, не рановато ли об этом думать?

Вэй Цин снова принял тот же задумчивый вид: Рановато?

В лунном свете Цао Сян увидел, как губы Вэй Цина изогнулись в красивой дуге. Тот же лунный свет, тот же человек — спустя десять с лишним лет выражение его лица изменилось до неузнаваемости. В этой улыбке было слишком много всего, чего Цао Сян не мог понять.

Внезапно Цао Сян осознал, что в этой кампании Лю Че щедро одарил лишь воинов, находившихся под началом генерала конницы Хо Цюйбина, в то время как Вэй Цин не получил никаких повышений, а никто из офицеров и солдат его армии не удостоился титула маркиза. Что это означало? И не говоря уже о слухах, обвинявших Вэй Цина в предвзятости, вызванных самоубийством Ли Гуана из-за опоздания к месту сражения.

Спустя несколько дней Цао Сян заметил среди придворных чиновников юношу, которого раньше никогда не видел — необычайно красивого и невероятно юного. Ему сказали, что это младший брат генерала конницы, Хо Гуан, которому всего тринадцать лет. Благодаря брату он был представлен к должности при дворе.

Глядя на Хо Гуана, Цао Сян будто увидел самого Вэй Цина много лет назад. Двенадцати-тринадцатилетний юноша, получивший по стечению обстоятельств немыслимую для его возраста должность, шаг за шагом взрослеющий в стенах этого двора.

Вэй Цин пришел в ведомство, отвечающее за дворцовых коней и псов, и вскоре нужный человек был доставлен к нему.

Это наследник князя Сюту из сюнну.

Вэй Цин кивнул и велел остальным уйти.

У юноши перед ним были орлиные глаза, четкие черты лица, и стоял он почти вровень с ним. Вэй Цин попытался найти в памяти образ князя Сюту, чтобы наложить его на черты юноши. Возможно, они были похожи, а может, и нет — те далекие воспоминания давно развеялись по ветру.

Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

Ричань. Четырнадцать лет.

Как ты здесь оказался?

Сюнну потерпели поражение, мой отец был разбит. Мой отец, князь Сюту, не хотел сдаваться, поэтому был убит своим соратником, князем Кунье. Я — подарок, который принес князь Кунье.

Хотя юноша говорил на ханском языке не слишком бегло, он выражался ясно. Вэй Цин кивнул: да, князь Кунье убил не пожелавшего сдаться князя Сюту и пришел с повинной, принес в дар его голову, жену, детей и подданных. Так жена и дети князя Сюту оказались во дворце.

Ты узнаешь меня? — спросил Вэй Цин.

Юноша с сомнением посмотрел на него и покачал головой.

Ты знаешь генерала конницы Хо Цюйбина?

Ты — не он. — Юноша видел Хо Цюйбина на церемонии принятия капитуляции.

Я — Вэй Цин.

Юноша широко открыл рот: тот самый легендарный Великий маршал и полководец Хань?

Вэй Цин спросил: Насколько сильна твоя ненависть к генералу конницы?

... — Юноша помедлил и ответил: Он разрушил мой дом, конечно, я ненавижу его. Но в то же время я считаю его очень сильным. Очень сильным. Очень сильным... — повторил он последние слова, и голос его стал тише. Должен ли он ненавидеть Хо Цюйбина? Хо Цюйбин разбил его народ, но отца убил князь Кунье, а не он.

Вэй Цин снова спросил: Насколько сильна твоя ненависть ко мне?

Великий полководец разрушил дом сюнну и лишил нас возможности дать отпор, конечно, я ненавижу тебя еще больше, чем генерала конницы. Но я знаю, это потому, что ты сильнее его.

Вэй Цин продолжал спрашивать: Насколько сильна твоя ненависть к Сыну Неба династии Хань? Знай же, если бы не его воля, генерал конницы и я не смогли бы пойти на вас войной.

Сын Неба Хань назначил вас главнокомандующим и авангардом, сюнну проиграли, мне нечего возразить. Сюнну почитают сильных, поэтому я не буду ненавидеть императора, а выкажу ему

и вам свое уважение, — юноша склонился в поклоне. — Проиграть самому сильному в мире и склониться перед ним — это не позор.

Вэй Цин смотрел на него, выражение лица оставалось невозмутимым, не выдавая никаких эмоций.

Короткий меч был пододвинут к Ричаню. Ножны были украшены драгоценными камнями, выложенными в замысловатые узоры — Ричань узнал в них характерные тотемные знаки сюнну.

Это принадлежало твоему отцу. Он подарил его моему другу. Когда я был еще младше тебя, тот друг отдал его мне. Теперь пришло время вернуть его законному владельцу.

Ричань посмотрел на меч, затем на Вэй Цина, и в конце концов обеими руками принял его, подняв над головой в знак искреннего почтения.

Вэй Цин кивнул. Так, можно считать, еще одно дело завершено...

Стоило ему расслабиться, как усталость охватила все тело. После долгих лет войны он понимал, что его здоровье уже не то, что прежде. Едва перешагнув порог тридцатилетия, он не знал, на сколько его еще хватит. На губах непроизвольно появилась горькая усмешка: Лю Че, должно быть, тоже это заметил? Вот почему он так спешит найти того, кто сможет его заменить.

Цюйбин, Чжао Пону, Ли Гань... кто же это будет?

Дворец Цзяньчжан возвышался, как и всегда, величественно и сурово. Вэй Цин шел по лестнице, мимо выстроились воины в полном вооружении, блестели клинки и алебарды. Тринадцатилетний Хо Гуан в должности камергера следовал за императором, с любопытством поглядывая по сторонам. Четырнадцатилетний Ричань вел лошадей в свите, не сводя глаз с дороги.

Лю Че стоял на галерее перед залом, с улыбкой глядя на Вэй Цина, ожидая, пока тот шаг за шагом приближался к нему. В этот миг их Хань казалась незыблемой, а государственность — долговечной.

=Конец=

<http://bllate.org/book/21150/2144310>